

П. М. Соколов

Погребальный обряд комплексов с клинковым вооружением савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья

Keywords: Lower Volga region, 6th—4th centuries BC, Sauromatian archaeological culture, sword, social status, nomadic society, nomadism.

Cuvinte cheie: Volga de Jos, secolele VI—IV î.Hr., cultura arheologică sauromatică, spadă, statut social, societate nomadică, nomadism.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, VI—IV вв. до н.э., савроматская археологическая культура, меч, социальный статус, кочевое общество, номадизм.

P. M. Sokolov

Funeral Rite in Burials with Swords of Sauromatian Archeological Culture from the Lower Volga Region

The sword is an indicator of the social status of the buried. The analysis of the funeral rite of the burials with swords belonging to the Sauromatian culture of the Lower Volga region gives the opportunity to reconstruct the social structure of the Sauromatian society of 6th—4th centuries BC. Sword acts as an exponent of the social status of the deceased. Sauromatian burials with swords can be divided into three categories: very rich burials of the tribal leaders, burials of the nobility and burials of men — professional warriors with different status, including slaves. Swords are never found in female graves. Hence, for the Sauromatian culture of the Lower Volga region, sword is an exponent of a warrior male burial, often accompanied by a high social status.

P. M. Sokolov

Ritul funerar al complexelor cu armament cu tăiş din cadrul culturii arheologice sauomatice de la Volga de Jos

Analiza ritului funerar din complexele cu spade din cadrul culturii sauomatice de la Volga de Jos permite să reconstruim structura socială a societății nomadice a sauomaților din sec. VI—IV î.Hr. Spada reprezintă un indiciu al statutului social al defunctului. Mormintele cu arme se împart în trei categorii: morminte foarte bogate ale căpeteniilor de trib, mormintele reprezentanților nobilimii gentilice și morminte de bărbați — războinici profesioniști cu statut diferit, inclusiv și robi. În această regiune, din complexele feminine spadele lipsesc cu desăvârșire. Pentru cultura sauomatică de la Volga de Jos, pumnalul este un indiciu tipic al mormântului de bărbat războinic, deseori și al unui statut social înalt.

П. М. Соколов

Погребальный обряд комплексов с клинковым вооружением савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья

Анализ погребального обряда комплексов с мечами савроматской культуры Нижнего Поволжья дает возможность реконструировать социальную структуру кочевого общества савроматов в VI—IV вв. до н.э. Меч выступает как показатель социального статуса погребенного. Погребения с мечами разделяются на три категории: очень богатые погребения вождей племен, погребения представителей родовой знати и погребения мужчин — профессиональных воинов разного статуса, в том числе и рабов. Мечи здесь никогда не встречаются в могилах женщин. Для савроматской культуры Нижнего Поволжья меч — это признак мужского воинского погребения, часто высокого социального статуса.

Клинковое вооружение VI—IV вв. до н.э. давно привлекает внимание исследователей. До 30-х годов XX века памятники Нижнего Поволжья VI—IV вв. до н.э. связывались со скифскими и предметы вооружения с этой

территории рассматривались как принадлежащие скифам. Одним из первых к скифскому оружию обратился М.И. Ростовцев (Ростовцев 1925: 44). Оно интересовало его как аргумент доказательства иранского про-

Russian Foundation for Humanities. "Bladed weapon as a source of Sarmatian history of the Lower Volga region", no. 13-31-01014 ■ Fundația rusă pentru studii umanitare. „Armamentul cu tăiş ca o sursă pentru studierea istoriei sarmaților din regiunea Volgăi de Jos”, nr. 13-31-01014 ■ Российский гуманитарный научный фонд. «Клинковое вооружение как источник по истории сарматов Нижнего Поволжья», проект № 13-31-01014.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© П. М. Соколов, 2014.

исхождения скифов и их культуры (Ростовцев 1918: 69). Он же наметил основные пути развития клинкового оружия скифов.

Идеи М. И. Ростовцева были использованы В. Гинтерсом, который посвятил специальную работу скифским и сарматским мечам (Ginters 1928). В этом исследовании впервые в качестве типобразующих признаков выступают формы наверший и перекрестий скифских и сарматских мечей.

Основные принципы создания типологии клинкового вооружения VI—IV вв. до н.э. были разработаны в кандидатской диссертации и изложены в своде А. И. Мелюковой. Заложенные в этом своде принципы типологии и тенденции хронологического развития тех или иных категорий вооружения во многом остаются актуальными до сих пор. Одной из задач её типологии было установление узких дат отдельных видов акинаков. Отделы клинкового оружия определялись формой навершия, а типы — формой перекрестия мечей (Мелюкова 1964). Показателем востребованности труда А. И. Мелюковой может служить тот факт, что её типологические ступени были впоследствии приняты К. Ф. Смирновым при создании работы о савроматском вооружении (Смирнов 1961: 9).

Несомненными плюсами исследования К. Ф. Смирнова является то, что автор собрал все имевшиеся на тот момент археологические материалы, разработал типологию, которая оставалась актуальной на протяжении почти 40 лет, выявил хронологические рамки бытования отдельных типов мечей, привел большое количество аналогий к каждому типу и попытался определить источники происхождения тех или иных форм наверший и перекрестий савроматских мечей.

В 1988 г. была защищена кандидатская диссертация М. А. Очир-Горяевой, посвященная культуре кочевников Нижнего Поволжья VI—IV вв. до н.э. В ней автором было проведено сопоставление клинкового оружия с наборами наконечников стрел, а также сравнение нижеволжских мечей с приуральскими. В целом М. А. Очир-Горяева отмечает, что учтенные типы мечей и кинжалов не выходят за рамки «общепринятой классификации» (Очир-Горяева 1988: 11—13).

Следует отметить, что скифскому и сарматскому клинковому оружию уделяется довольно много внимания и в последнее время. В 2007 году в Челябинске прошла конференция, посвященная региональной типологии и хронологии вооружения сарматов. На ней были рассмотрены, в частности, вопросы хронологии клинкового вооружения VI—IV вв.

до н.э. Нижнего Поволжья (Скрипкин 2007), проведен анализ культурных взаимодействий и их проявлений в развитии клинкового оружия Южного Приуралья (Гуцалов 2007: 11—15), комплекс вооружения Южного Зауралья (Таиров 2007: 24—29), лесостепного Подонья (Ворошилов, Медведев 2007). Исследователи в последние несколько лет обращают внимание и на биметаллическое клинковое оружие скифского времени из междуречья Волги и Дона (Ворошилов 2007б) и с территории Украины (Бабенко 2006).

В 2007 году А. Н. Ворошиловым была защищена кандидатская диссертация, посвященная вооружению населения лесостепного Подонья в скифское время (Ворошилов 2007а). Основное внимание в этой работе уделено клинковому оружию указанного региона. Несомненной заслугой автора диссертации является подробное рассмотрение вопросов классификации, изготовления и происхождения типов клинкового оружия Подонья. А. Н. Ворошилов довольно подробно разработал и унифицировал терминологию описания типов наверший и перекрестий клинкового оружия, создал развернутую типологию мечей (Ворошилов 2007а: 12—19).

Таким образом, большинство исследователей клинкового оружия VI—IV вв. до н.э. уделяло основное внимание созданию и доработке типологических схем данного вида вооружения и установлению хронологических позиций того или иного отдельного меча или какого-либо типа мечей в целом. Чуть меньше внимания уделялось вопросам технологии изготовления клинкового оружия и вопросам происхождения отдельных его типов. Такие вопросы, как социальный статус погребенных с предметами клинкового вооружения, особенности погребального обряда комплексов с мечами, как правило, практически не рассматриваются или рассматриваются вскользь. При этом, по моему мнению, в настоящее время типологические и хронологические схемы клинкового вооружения разработаны на достаточно высоком уровне. Это позволяет перейти на уровень исторических реконструкций процессов культурогенеза общества номадов VI—IV вв. до н.э. Попытка перехода к этому уровню анализа и будет предпринята в настоящем исследовании.

Целью данной статьи является анализ погребального обряда комплексов с предметами клинкового вооружения савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья. Это позволяет перейти к анализу социальной истории кочевников, населявших Нижнее Поволжье в VI—IV вв. до н.э.

Для достижения цели работы были рассмотрены 430 погребений VI—IV вв. до н.э. с территории Нижнего Поволжья. Из них было отобрано 64 погребения, которые содержали среди прочего инвентаря предметы клинкового вооружения. Погребальный обряд этих комплексов был подвергнут детальному анализу.

Мечи являются второй, по степени распространенности, категорией вооружения в савроматских погребениях Нижнего Поволжья. При этом клинковое вооружение является далеко не самой распространенной категорией погребального инвентаря. Мечи были встречены в 14,8% савроматских погребений. Вероятнее всего, население Нижнего Поволжья в VI—IV вв. до н.э. было слабо задействовано в крупных межэтнических и межгосударственных конфликтах, либо такие столкновения происходили достаточно редко. Поэтому клинковое вооружение было слабо распространено. С другой стороны, как правило, мечи встречаются в достаточно богатых савроматских погребениях. Это позволяет сделать предположение о том, что меч является признаком довольно высокого общественного статуса погребенного (рис. 1). Указанное предположение будет проверено ниже.

Большая часть савроматских погребений с клинковым оружием была совершена в курганах с земляной насыпью (84,3%). Это в целом типично и для всей савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья. Насыпи курганов, сложенные с применением камня, были обнаружены только в курганных могильниках Аксеновский I и II. Эти комплексы несколько отличаются от массы савроматских погребений Нижнего Поволжья.

Из погребений данной выборки 48% являются основными в курганах, а 52% впускными в курганы более раннего времени. Следует отметить, что для савроматской культуры в целом характерно преобладание впускных погребений над основными (74% савроматских погребений Нижнего Поволжья были впускными в курганы более раннего времени). В связи с этим, группа комплексов с клинковым вооружением демонстрирует очень высокий процент основных погребений. Это, несомненно, свидетельствует о некоем единстве данной группы комплексов и, возможно, о довольно высоком статусе погребенных с мечами людей. При этом общая для всей культуры тенденция преобладания впускных погребений над основными сохраняется и в данной группе, пусть и с незначительным перевесом.

Наиболее распространенной формой могильной ямы в данной выборке является про-

стая прямоугольная яма (32,8%). Однако размеры многих могил такой формы превышают 2 м в длину и 1 м в ширину. То есть, размеры данной группы ям выходят далеко за рамки стандартных савроматских прямоугольных могил, которые, как правило, едва превышают размеры погребенного. Величина могильной ямы часто расценивается также как статусный признак, так как большие размеры связаны напрямую с большими трудовыми затратами на сооружение такой могилы. Следует отметить, что для савроматской культуры в целом также характерно преобладание именно прямоугольных могильных ям (37%).

На втором месте по распространенности среди могил с клинковым вооружением стоят большие подквадратные могильные ямы (28,1%). Интересно, что разрыв между количеством простых прямоугольных и больших подквадратных ям минимален. При этом для савроматской культуры в целом характерно гораздо более низкое количество больших подквадратных ям (всего 15% погребений). Размеры этих могил находятся в пределах 2—3 м в длину и в ширину и до 2,5 м в глубину. Большие подквадратные ямы, несомненно, являются показателем высокого погребального статуса захороненных в них людей. Это также подтверждается как количеством, так и качеством погребального инвентаря, обнаруживаемого в них.

Впускных погребений в насыпи кургана насчитывается в данной группе всего 18%. Это третий по распространенности способ погребения в данной группе. Для савроматской культуры в целом характерен гораздо больший процент погребений в насыпи — 36,2%. Это второй по распространенности способ погребения в савроматской культуре Нижнего Поволжья. То есть, являясь достаточно характерным способом погребения для всей культуры в целом, могилы в насыпи могут быть признаны нетипичными для погребений с клинковым оружием.

Могилы с камерами встречаются в данной группе еще реже — в 12% погребений. Для савроматской культуры в целом этот показатель еще ниже — 6,5%. Можно сделать вывод о нетипичности камерных могил для савроматской культуры Нижнего Поволжья. Кроме того, многие камерные могилы савроматской культуры датируются IV в. до н.э. В это время в Нижнее Поволжье начинают проникать приуральские погребальные традиции. Вероятно, появление камерных могил связано именно с этим. Вместе с тем, нельзя отрицать, что данная черта погребального обряда была известна и савроматскому населению в более

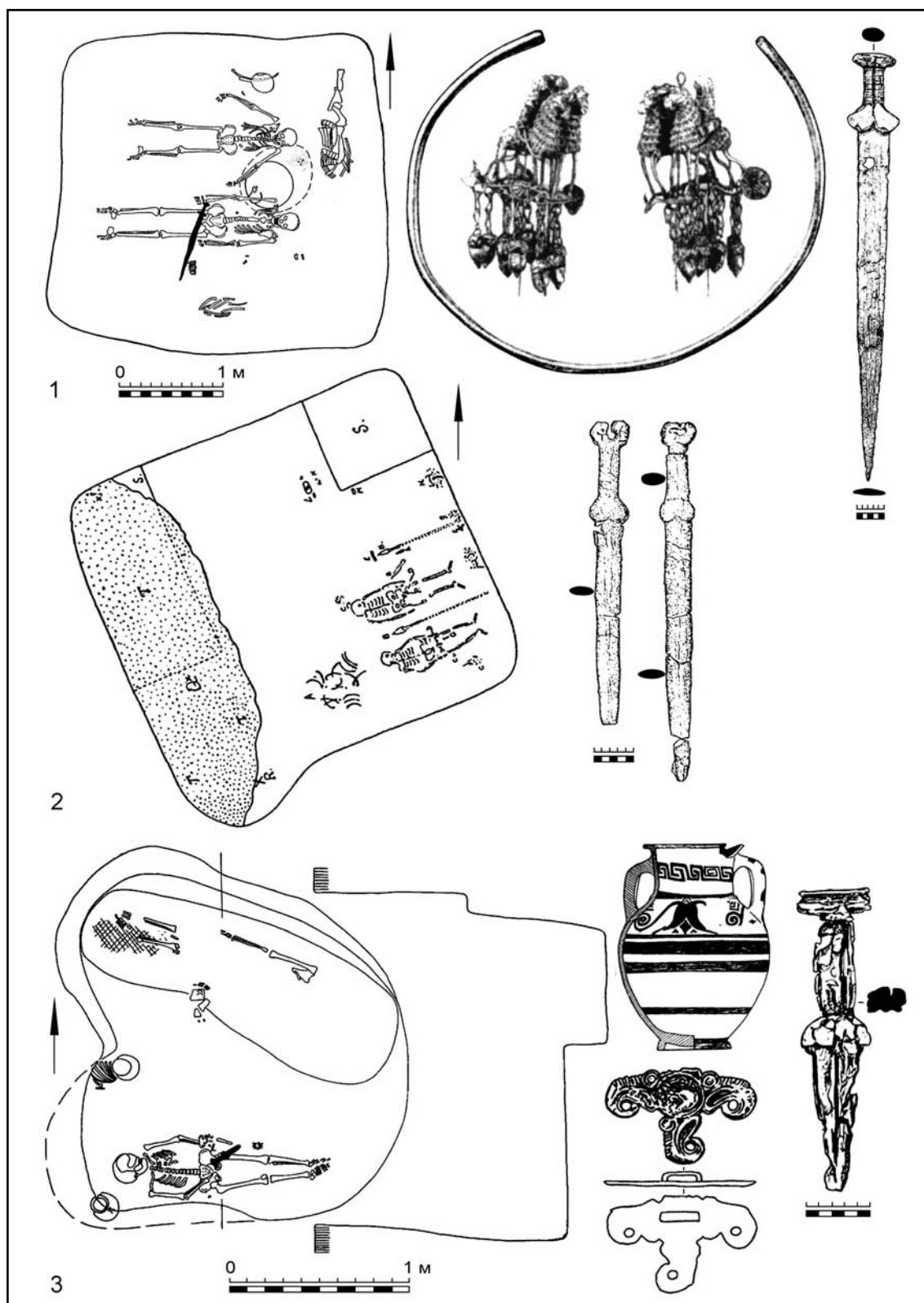

Рис. 1. Наиболее яркие погребения с мечами: 1 — Сазонкин Бугор, к. 2, п. 1 (план погребения, меч, золотые гривна и серьги) (по Берхин-Засецкая, Маловицкая 1965: 143—153); 2 — Blumenfeld A 12 (план погребения и мечи) (по Граков 1999: 2, 3); 3 — Аксай I, к. 3, п. 3 (план погребения, меч, амфора и крестовидная бляха) (по Дьяченко, Мейб, Скрипкин, Клепиков 1999: 4, 5).

Fig. 1. The most representative burials with swords: 1 — Sazonkin Mound, k. 2, b. 1 (plan of burial, a sword, a golden grivna and earrings) (after Берхин-Засецкая, Маловицкая 1965: 143—153); 2 — Blumenfeld A 12 (plan of burial and swords) (after Граков 1999: 2, 3); 3 — Aksai I, k. 3, b. 3 (plan of burial, sword, amphora and a cross-shaped badge) (after Дьяченко, Мейб, Скрипкин, Клепиков 1999: 4, 5).

раннее время, но не получила особого распространения.

В 10% погребений анализируемой группы были зафиксированы следы деревянных сооружений. В основном в тех комплексах, где удалось проследить конструкцию, было обнаружено деревянное перекрытие. В одном случае была также зафиксирована обшивка стен деревом. Следует отметить, что деревянные конструкции не характерны для савроматской культуры Нижнего Поволжья.

Важным маркером культурной принадлежности погребений является положение погребенного. Во всех комплексах данной выборки, так же как и в абсолютном большинстве погребений савроматской культуры, погребенный располагается вытянуто на спине. Как правило, погребенный располагается по центральной оси могилы. Встречается смещение тела к одной из стенок ямы. В некоторых погребениях руки погребенного располагаются ладонями на тазе. Встречаются так называемые «атакующая поза» — одна нога согнута в колене, руки разведены в стороны; «поза всадника» — ноги разведены в стороны и слегка согнуты в коленях.

В тех погребениях, где был установлен пол погребенного, меч, как правило, связан с мужским костяком. Встречаются коллективные погребения. Чаще всего они также принадлежат мужчинам или мужчинам с детьми. Ни одного погребения, где была бы захоронена только одна женщина, в данной выборке не зафиксировано. Это позволяет с большой долей уверенности утверждать, что в савроматское время для Нижнего Поволжья меч является атрибутом только мужских погребений.

Еще одной важной и культуурообразующей чертой является ориентировка погребенного. В данной выборке преобладает западная ориентировка (67%). Этот показатель практически полностью совпадает с показателем для всей савроматской культуры в целом. Ориентировка в восточный сектор встречается в погребениях данной выборки гораздо реже — 33%.

В некоторых погребениях были зафиксированы следы угля и процессов горения (12%), различных минеральных веществ (14%) и подстилки (12%). Следует отметить, что все эти признаки не являются характерными для савроматской культуры Нижнего Поволжья и, скорее, являются оригинальными проявлениями влияния на савроматский погребальный обряд извне.

В 75% погребений данной выборки были встречены кости животных в том или ином сочетании. Вероятно, они представляют со-

бой остатки напутственной пищи. Её состав разнообразен, но преобладают кости мелкого рогатого скота (80%). Однако также встречаются кости крупного рогатого скота и лошади. В могилы помещаются различные части туши: ноги, ребра, туши без головы и пр. Выделить какой-то стандартный набор заупокойной пищи для савроматской культуры не представляется возможным. Очень редко (в 3 погребениях) были встречены кости птицы и в 1 погребении — скелет собаки. Последняя не является заупокойной пищей, помещена в могилу целиком и, очевидно, сопровождала хозяина на том свете. Интересно, что в большинстве погребений анализируемой выборки состав напутственной пищи очень разнообразен, а ее количество велико. Все это, вероятно, также свидетельствует о высоком социальном статусе погребенных.

Самыми распространенными предметами, помещенными в могилы данной выборки, кроме мечей, являются представительные колчаные наборы наконечников стрел. Они были встречены в 68% погребений. В некоторых комплексах, помимо наконечников стрел, были обнаружены также колчаные крючки. Помимо мечей и наконечников стрел, в погребениях данной выборки также довольно часто встречаются наконечники копий (15%), иногда со втоками и даже (в одном погребении) с футляром для наконечника копья. Наборы конской узды встречаются редко (всего в 2 погребениях). Однако это типично и для всей савроматской культуры Нижнего Поволжья в целом (4,8% погребений). Поэтому довольно показательным, что предметы узды также встречаются в сочетании с клинковым оружием.

Из бытовых предметов в комплексах с клинковым оружием очень часто встречаются глиняные сосуды (58%) и небольшие железные ножи (43%). Из других бытовых предметов в погребениях данной выборки можно отметить и такие находки, как абразивные инструменты (26%) и шилья (5%).

Интересно также, что в погребениях с клинковым оружием, помимо прочего инвентаря, также довольно часто находятся поясные пряжки, различные детали портупей и ворворки. Вероятно, все эти предметы были необходимы кочевникам для ношения как самого клинкового оружия, так и прочих предметов вооружения.

Другой характерной чертой рассматриваемой выборки является практически полное отсутствие украшений и зеркал. Последние были встречены в погребениях, где, помимо мужского скелета, был обнаружен также жен-

ский. Единственным исключением из украшений, которые были обнаружены в данных комплексах, являются бусы (9%). Однако они могут быть принадлежностью как женского, так и мужского костюма. А также служить украшениями или даже функциональными деталями портупей или ножен меча.

Предметы, связанные с ритуальными функциями, в комплексах данной выборки встречаются крайне редко (не более 1% погребений).

Таким образом, погребения савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья с клинковым вооружением достаточно часто являлись основными в курганах. Для них сооружались крупные могильные ямы, иногда были зафиксированы деревянные конструкции, в могилы помещалось большое количество разнообразной напугтственной пищи. Все погребения с клинковым оружием принадлежат мужчинам. И даже в коллективных погребениях меч всегда остается атрибутом мужчины. Интересно, что мечи также помещали и в детские, и в подростковые погребения. То есть, принимая во внимание тот факт, что меч — это атрибут мужчины, можно признать, что дети в кочевом обществе принимали на себя статус взрослого и с раннего возраста выполняли в некотором объеме мужские функции.

Анализ прочего сопутствующего инвентаря показал, что вместе с мечами практически всегда в могилы помещались и другие виды вооружения: наконечники стрел и копий. Также довольно часто встречаются предметы, связанные с ношением оружия: ворворки, пряжки, оконечники ремней и пр. При этом отсутствуют украшения, зеркала и ритуальные предметы — типичные признаки женских погребений.

Можно сделать однозначный вывод о том, что в VI—IV вв. до н.э. меч в погребениях Нижнего Поволжья — это принадлежность мужчины. Причем мужчины довольно высокого статуса, вероятно, профессионального воина.

Необходимо сказать, что в своей массе савроматские погребения Нижнего Поволжья являются довольно бедными. В них зачастую помещена одна, реже две-три категории погребального инвентаря. Стандартные мужские погребения также довольно бедны. В них встречаются наконечники стрел, глиняная посуда и кости животных.

Мужские погребения с мечами часто гораздо богаче по набору и ассортименту погребального инвентаря, они размещаются в обширных могильных ямах, часто являются

основными в курганах. Все это позволяет судить о том, что погребения с клинковым вооружением принадлежат лицам высокого социального статуса. Вряд ли они были рядовыми воинами-общинниками. Скорее всего эти люди принадлежали к родовой знати, являлись профессиональными воинами, возможно, руководителями небольших родовых групп.

Следует также отметить, что в савроматских погребениях Нижнего Поволжья очень редко встречаются предметы из драгоценных металлов. Такие случаи единичны. В подобной ситуации на первые позиции в определении статуса погребенного должны выходить другие признаки. Можно предположить, что меч как раз и является таким показателем высокого статуса. Кроме того, в анализируемой выборке встречены предметы из золота — это золотые серьги, бусы и гривна из погребения в могильнике Сазонкин Бугор, золотые оковки деревянного сосуда из Жутово, золотые и серебряные литые бляхи с изображением головы грифона и льва из Аксеновского могильника. Данный факт является еще одним подтверждением высказанного выше предположения о высоком статусе погребенных с мечами.

Комплекс из могильника Сазонкин Бугор является уникальным для Нижнего Поволжья как по богатству, так и по разнообразию инвентаря (рис. 1: 1). В этом парном погребении мужчины и женщины, помимо меча, была найдена также золотая гривна, что, несомненно, является показателем очень высокого социального статуса погребенного. Данное погребение можно считать захоронением вождя какого-то крупного савроматского племенного объединения.

К другой социальной группе, очевидно, относятся погребенные из известного комплекса кургана Блюменфельд А12 (рис. 1: 2). Обнаруженные там мужчины-воины, вооруженные мечами, копьями со втоками и наборами наконечников стрел, сопровождали погребение некоего вождя, которое было ограблено. Они, вероятно, являлись его охранниками-рабами и были помещены в могилу господина для того, чтобы сопровождать его и после смерти.

Итак, клинковым оружием пользовалось несколько категорий населения — носителей савроматской культуры: руководители племенных объединений, представители родовой знати, воины-дружинники различного статуса. В любом случае, меч всегда являлся атрибутом мужчины-воина достаточно высокого социального статуса.

Литература

- Бабенко Л.И. 2006. Биметалевый меч скифского часу з колекції Харківського історичного музею. *Археологія* (2), 53—56.
- Берхин-Засецкая И.П., Маливицкая Л.Я. 1965. Богатое савроматское погребение в Астраханской области. *СА* (3), 143—153.
- Ворошилов А.Н. 2007а. *Вооружение населения лесостепного Подонья в скифское время (акинаки, копья, дротики)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж.
- Ворошилов А.Н. 2007б. Биметаллические мечи скифского времени из междуречья Волги и Дона. *РА* (3), 150—155.
- Ворошилов А.Н., Медведев А.П. 2007. Вооружение населения лесостепного Подонья в скиф-сарматское время. В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (отв. ред.). *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 76—87.
- Граков Б.Н. 1999. Памятники скифской культуры между Волгой и Уральскими горами. В: Мелюкова А.И., Мошкова М.Г., Башилов В.А. (отв. ред.). *Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову*. Москва: ИА РАН, 7—33.
- Гуцалов С.Ю. 2007. Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI—I вв. до н.э. В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (отв. ред.). *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории».
- Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 11—23.
- Дьяченко Л.Н., Мейб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М. 1999. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье. *НАВ* 2, 93—126.
- Мелюкова А.И. 1964. *Вооружение скифов*. САИ Д1—4.
- Очир-Горяева М.А. 1988. *Савроматская культура Нижнего Поволжья VI—IV вв. до н.э.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Ростовцев М.И. 1918. *Эллинизм и иранство на юге России*. Петроград: Огни.
- Ростовцев М.И. 1925. *Скифия и Боспор*. Ленинград: Типография I Ленинградской трудовой артели печатников.
- Скрипкин А.С. 2007. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII—IV вв. до н.э. (проблемы хронологии). В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (отв. ред.). *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 38—50.
- Смирнов К.Ф. 1961. *Вооружение савроматов*. МИА 101.
- Таиров А.Д. 2007. Некоторые образцы клинкового оружия раннего железного века из Южного Зауралья. В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (отв. ред.). *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 24—29.
- Ginters W. 1928. *Das Schwert der Scythen und Sarmaten im Südrussland*. Berlin: W. de Gruyter.

References

- Babenko, L. I. 2006. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 53—56 (in Ukrainian).
- Berkhin-Zasetskaya, I. P., Malovitskaya, L. Ya. 1965. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 143—153 (in Russian).
- Voroshilov, A. N. 2007. *Vooruzhenie naseleniia lesostepnogo Podon'ia v skifskoe vremia (akinaki, kop'ia, drotiki) (Armament of the population of forest-steppe Din region in Scythian time (akinaki, spears, javelins))*. PhD Thesis. Voronezh (in Russian).
- Voroshilov, A. N. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 150—155 (in Russian).
- Voroshilov, A. N., Medvedev, A. P. 2007. In *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiya i khronologiya (Armament of Sarmatians: regional typology and chronology)*. Chelyabinsk: IuUrGU, 76—87 (in Russian).
- Grakov, B. N. 1999. In *Evrasiiskie drevnosti. 100 let B. N. Grakovu (Eurasian antiquities. 100 years from the birth of B. N. Grakov)*. Moscow: IA RAN, 7—33 (in Russian).
- Gutsalov, S. Yu. 2007. In *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiya i khronologiya (Armament of Sarmatians: regional typology and chronology)*. Chelyabinsk: IuUrGU, 11—23 (in Russian).
- Diachenko, L. N., Meib, E., Skripkin, A. S., Klepikov, V. M. 1999. In *Nizhnevolskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga archaeological bulletin)* 2, 93—126 (in Russian).
- Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov (Scythian armament)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—4 (in Russian).
- Ochir-Goryaeva, M. A. 1988. *Savromatskaia kul'tura Nizhnego Povolzh'ia VI—IV vv. do n. e. (Sauromatian culture of Lower Volga region in the 6th—4th centuries BC)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
- Rostovtsev, M. I. 1918. *Ellinstvo i iranstvo na iuge Rossii (Iranians and Greeks in South Russia)*. Petrograd: Ogn (in Russian).
- Rostovtsev, M. I. 1925. *Skifia i Bospor (Scythia and Bosphorus)*. Leningrad: Tipografiia I Lenigradskoi trudovoi arteli pechatnikov (in Russian).
- Skripkin, A. S. 2007. In *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiya i khronologiya (Armament of Sarmatians: regional typology and chronology)*. Chelyabinsk: IuUrGU, 38—50 (in Russian).
- Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 101 (in Russian).
- Tairov, A. D. 2007. In *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiya i khronologiya (Armament of Sarmatians: regional typology and chronology)*. Chelyabinsk: IuUrGU, 24—29.
- Ginters, W. 1928. *Das Schwert der Scythen und Sarmaten im Südrussland*. Berlin: W. de Gruyter.

Статья поступила в номер 30 января 2013 г.

Pavel Sokolov (Volgograd, Russia). Candidate of Historical Sciences. Volgograd State University¹.

Pavel Sokolov (Volgograd, Rusia). Candidat în științe istorice. Universitatea de Stat din Volgograd.

Соколов Павел Михайлович (Волгоград, Россия). Кандидат исторических наук. Волгоградский государственный университет.

E-mail: swarg211@mail.ru

Address: ¹ Universitetsky Pr., 100, Volgograd, 400062, Russia